

Виссарион Григорьевич Белинский

**Утренняя заря, альманах на
1841 год, изданный В.
Владиславлевым. Третий год**

Виссарион Григорьевич Белинский Утренняя заря, альманах на 1841 год, изданный В. Владиславлевым. Третий год

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828415*

Аннотация

«...Вот уже четвертый альманах издает г. Владиславлев и делает этим четвертый подарок любителям легкого чтения и красивых изданий. На этот раз его альманах превзошел, как говорится, самого себя и изящностию своей наружности, роскошью приложений, и замечательностию содержания. По стихотворной части, его украсили произведения Пушкина, князя Вяземского, гр. Р-ной, Языкова, Кольцова, Подолинского и других...»

Содержание

Примечания
Комментарии

25

**Виссарион Григорьевич
Белинский**
**Утренняя заря, альманах
на 1841 год, изданный
В. Владиславлевым.**
Третий год

*УТРЕННЯЯ ЗАРЯ, альманах на 1841 год,
изданный В. Владиславлевым. Третий год. Санкт-
Петербург. В тип. III отделения собственной е. и. в.
канцелярии. 1841. В 12-ю д. л. 394 стр.*

Сверх всякого ожидания и вопреки безотрадным предчувствиям касательно будущности русской литературы, невольно овладевшим нами при взгляде на ее пустоту и бесцветность, «Библиографическая хроника» первой книжки «Отечественных записок» в новый 1841 год начинается тремя такими книгами, которые, при всей нашей недоверчивости к *приметам*, особенно благоприятным, пророчат счастливый урожай в наступающем году^[1]. Это обстоятельство тем приятнее, что в короткий промежуток каких-нибудь двух недель, разделяющих выпуск последней книжки

«Отечественных записок» за прошлый год от выхода первой книжки за новый год, нельзя было надеяться и на дюжину даже плохих книг, – как вдруг набирается всех книг не один десяток, и большая часть из них – хорошие, а между хорошими три превосходные! Начинаем с «Утренней зари», желая от всей души, чтоб она была светлою «утреннею зарею» столько же и для литературы наступающего года, сколько она вправе носить это название для самой себя. Если полдень и вечер будут соответствовать такой прекрасной «утренней заре», то 1841 год будет одним из лучших годов русской литературы...

Вот уже четвертый альманах издает г. Владиславлев и делает этим четвертый подарок любителям легкого чтения и красивых изданий. На этот раз его альманах превзошел, как говорится, самого себя и изящностию своей наружности, роскошью приложений, и замечательностию содержания. По стихотворной части, его украсили произведения Пушкина, князя Вяземского, гр. Р-ной, Языкова, Кольцова, Подолинского и других. Драгоценным алмазом сияет между ими стихотворение Пушкина – одно из лучших между лучшими созданиями его лирической музыки. Выписываем его вполне:

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки

Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила – в день свиданья,
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим.

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где под скалами дремлют воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ним и поцелуй свиданья...
Но жду его: он за тобой...

Из трех стихотворений князя Вяземского, невольно обращающих на себя внимание прекрасными стихами и отдельными мыслями, одно отличается глубиной и полнотою грустного чувства, которое разделит с ним всякая человеческая душа, оригинальностью и поразительной верностью выраженной в нем поэтическими стихами мысли. Не можем

не поделиться с читателями тем грустным и вместе высоким наслаждением, которым переполнилась душа наша от этой чудной поэтической мелодии благородно страждущего чувства:

Смерть жатву жизни косит, косит,
И каждый день, и каждый час
Добычи новой жадно просит
И грозно разрывает нас.

Как много уж имен прекрасных
Она отторгла у живых,
И сколько лир висит безгласных
На кипарисах молодых.

Как много сверстников не стало,
Как много младших уж сошло,
Которых утро рассветало,
Когда нас знойным полднем жгло.

А мы остались, уцелели
Из этой сечи роковой,
По смерти ближних оскудели
И уж не рвемся в жизнь, как в бой.

Печально век свой доживая,
Мы запоздавшей смены ждем,
С днем каждым сами умирая,
Пока не вовсе мы умрем.

Сыны другого поколения,
Мы в новом – прошлогодний цвет:
Живых нам чужды впечатленья,
А нашим в них сочувствий нет.

Они, что любим, разлюбили,
Страстям их – нас не волновать.
Их не было там, где мы были,
Где будут – нам уж не бывать!

Наш мир – им храм опустошенный,
Им баснословье – наша быль
И то, что пепел нам священный —
Для них одна немая пыль.

Так мы развалинам подобны
И на распутии живых
Стоим, как памятник надгробный,
Среди обителей людских^[2].

Прекрасна своим свежим, благоуханным чувством и своею неподражаемую оригинальностью «Русская песня» Кольцова:

Не скажу никому.
Отчего я весной
По полям, по лугам
Не собираю цветов.

Та весна – далеко!
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки...

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли!
Что палили огнем!

Все прошло уж давно!
Не воротишь назад...
Для чего ж без него —
Цветы стану я рвать?..

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла.

Мы выставили здесь только самое лучшее, что может называться драгоценным приобретением литературы; но вообще из всех стихотворений альманаха нет не только таких, которые портили бы книгу, а напротив, иные из них блещут красотами первоклассными, хотя и не могут сравниться с приведенными выше стихотворениями Пушкина и князя Вяземского.

Прозою «Утренняя заря» так же примечательна, как и стихами. Статей немного, но большая часть из них прекрасна. Пересмотрим их по порядку.

«Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия», повесть князя Одоевского, отличается теплотой и свежестью чувства, превосходным рассказом и тем «гуманическим» созерцанием, которое лежит в основании всех произведений этого писателя. Содержание ее просто. Во время войны с шведами русские взяли мальчика финна; он вырос между ими, образовался, сделался известен Петру Великому, который хочет употребить его на типографское дело и тем открывает ему в будущем блестящую карьеру. Финн едет на родину, чтоб увидеться с подругою своего детства, красавицею Эльсою, привозит ее в Петербург и отдает ее на руки семейства, с которым он сам связан родственным чувством. В этом семействе есть девушка-красавица, и наш финн борется между чувством к образованной (по тогдашнему времени) девушке, которая любит его и во всех отношениях – пара ему, и между чувством к дикой дочери природы, которой глубокая натура, полная магнетических сил и видений, влечет его к себе неотразимую прелестью, тогда как дикость, какая-то восторженная полупомешанность, прославившая ее на родине колдуньею, и упрямое отвращение от сближения с общественными формами – отталкивают от нее. Картина семейного быта полурусского и полуголландца Эверена; нелюбовь к Эльсе его доброй, но невежественной жены, виде-

шей, что Эльса отбивает жениха у ее дочери; ревность самой дочери к своей сопернице; страдания поэтической финляндки; борьба чувств у молодого человека; некоторые черты тогдашнего времени, – все это так увлекательно, так полно жизни и истины, что невольно жалеешь, почему автор не употребил большего труда для отделки этого поэтического произведения¹. Особенно поразительно в повести то, что все главные действующие лица ее, будучи финнами, в то же время и люди, и что в национальном элементе поэтической и грациозной героини резко пробивается общечеловеческий элемент. Превосходна картина финского семейства, которою открывается повесть. Автор делает примечание, что финны живут не деревнями, а отдельными хижинами, рассеянными далеко одна от другой на огромном пространстве, и что, вследствие этого, при национальной настроенности их духа, они все известия о том, что делается на свете, обыкновенно доходящие до них в искаженном виде, – облекают в мифические образы и делают из них баснословные предания. Не можем удержаться, чтоб не выписать поэтического рассказа старого финна о борьбе Карла XII с Петром Великим, где оба эти лица являются в гигантских образах фантастической поэзии дикого племени.

Нет на свете земли краше нашей Суомии: у нас и море широкое, и озера глубокие, и сосны вечно

¹ Эта повесть имеет близкое отношение с другою повестью князя В. Ф. Одоевского – «Саламандра», помещенною в этой книжке «Отечественных записок».

зеленые; и в других землях также есть солнце, да оно покажется, посветит и спрячется, как у нас зимой. А наше солнце полгода отдыхает, зато полгода светит, и на полях наших едва уляжется роса вечерняя, как поднимается роса утренняя. Но в старину было еще лучше: было у нас чудное сокровище Сампо, пестрое, из разноцветных камней, и с такой крышей, что теперь всем ковачам по сковать. Тогда был рай земной в Суомии: ничего люди не делали, все делало Сампо: и дрова носило, и дома строило, и кору на хлеб молотило, и молоко доило, и струны на кантелу² навязывало, и песни пело, а люди только лежали перед огнем да с боку на бок переворачивались; всего было в изобилии, но когда Вейнемен³ рассердился на нас, Сампо ушло в землю и заплыло камнем, а на земле осталась только кантела. Тогда люди были не такие, как теперь, а великорослые, сильные. Они хотели разбить камень, трудились долго, но не дошли до Сампо, а только навалили груды камней на нашу землю. С тех пор проведали и другие люди, что в нашей земле такое сокровище: сперва рутцы⁴, а потом и вейнелейсы;⁵ вот они и спорят с тех пор, кому достанется Сампо! У народа рутцы есть король, а у вейнелейсов царь. Оба они

² Народный финский инструмент, похожий на лежащую арфу с волосяными струнами.

³ Род финского Аполлона.

⁴ Так финны в старину называли шведов.

⁵ Старинное название русских в Финляндии.

великие тietaй⁶. Они ведают, как добыть сокровище из земли, но один другому уступить его не хочет. Давно уж они готовились завладеть им. Уж чего не знает наш тietaй Кукари? – Он видит все, из чего что произошло, откуда и железо, и бурелом, и все силы земные, но пред царем и королем меркнет и его ум чародейный. Царь, видно, сильнее короля, ибо знает, как он родился. Едва вышел король из материнского чрева, как топнул ногою и сказал: что Юмала дал, того у меня Перкола не отнимет. И пошел он по земле с железным мечом; куда ни придет, махнет мечом, все люди вокруг него умирают; и такова его мудрость, что никто еще не видал, чтоб он ел или пил, а спит он одним только глазом, другим же все смотрит и в небо и в землю, и все видит, что и как от чего происходит; одного только не видал он, как произошел царь вейнелейсов. Говорят, что вышел он прямо из моря. Была сильная буря, волны землю подмывали, корабли тонули, скалы с берегов падали в море. Король сидел на берегу, помахивал железным мечом и приказывал скалам подыматься из моря, но скалы не слушались; король рассердился, море пуще взбушевало; как вдруг расступилось, и из воды вышел царь вейнелейсов; одною рукою он приподнял скалы, а другою повел вокруг себя и сказал: все мое, что ни вижу. Король и пуще рассердился и бросил в царя железо, царь отвечал ему тем же. У царя же не было ни серы, ни селитры. Бой стал неровный. Царь собрал своих вейнелейсов и стал с ними ходить по белому свету,

⁶ Мудрецы, маги.

перешел он и за полуденное море, там, где небо к земле прислонилося. Придет в одно место, ударит железом по земле, скажет: копайте, и из земли выйдет железо. В другом месте ударит, выйдут из земли сера и селитра; в третьем разные сокровища. Но все не дорылся он до Сампо, потому что Сампо в нашей Суомии. Что ни собрал царь, все принес в свою землю. Но он так долго ходил по белому свету, что на его земле все люди постарели, у всех отросли длинные бороды. Царь рассердился. «Хочу, – сказал он вейнелейсам, – чтобы все помолодели, потому что нужны мне люди молодые и сильные». И такова была его мудрость, что от одного его слова все вейнелейсы помолодели: сделались они здоровы и сильны, и бороды у них отпали. Тогда царь велел вейнелейсам ковать оружие против врага своего короля рутцы. Три дня усердно помогают царю своему рабы, на плечах у них пыль в сажень толщиной, на голове сажа в аршин, на всем теле густой слой копоти. Но про то узнала сестра царева. Приходит, смотрит и молвит: «Много ты, братец, навел ковачей из-за полуденного моря; вели мне сковать царское ожерелье, чтобы все почитали меня царицей; да вели мне выковать месяц из серебра и солнце из золота, чтобы они ходили вокруг меня, и днем и ночью светили. Не выкуешь, братец, злые слова пошлю на тебя». Рассердился царь, услышав такие речи. «Нет царя, – сказал он, – кроме меня; есть у меня царское ожерелье, да не для тебя; есть месяц и солнце, да не тебе они светят». Царская сестра пригорюнилась и с досады стал гребнем чесать

свои черные волосы; волосы падали на землю, и от каждого выросло ядовитое зелье. Потом разломилась она свой гребень на части и из каждого зубца вышел великан с луком и стрелами. Узнал об этом и король рутцы и турка, вечный враг христиан. И сошлись они вместе и напали на мудрого ковача. Увидевши это, ковач ударил молотом по наковальне, и от одного стука рассыпались в прах великаны; он ударил в другой раз, от наковальни отскочили куски железа и засыпали турку; ковач ударил в третий раз, от наковальни брызнули искры, зажгли серу и селитру и опалили короля рутцы. Король бросился в море, чтоб затушить огонь; царь за ним, – приходит к морю, а корабль уже за морем; царь гнаться – смотрит, нет корабля, вокруг него только песок морской да голые камни, да топь, да болота. Царь собрал своих вейнелейсов и говорит им: «Постройте мне город, где бы мне жить можно, пока я корабль построю». – И стали строить город, но что положат камень, то всосет болото; много уже камней навалили, скала на скалу, бревно на бревно, болото все в себя принимает и наверху земли одна топь остается. Между тем царь состроил корабль, оглянулся: смотрит, нет еще города. «Ничего вы не умеете», – сказал он своим людям и с сим словом начал поднимать скалу за скалою и ковать на воздухе. Так выстроил он целый город и опустил его на землю. Между тем король на другом берегу ходит и думает, что царь затевает. Встречает его месяц. Король кланяется месяцу: «Ах, месяц божий, не видал ли ты, что делает царь вейнелейсов?» Но

месяц ему не отвечает. Короля встречает солнце; он кланяется солнцу: «Ах, солнце божие, не видало ли ты, что делает царь вейнелейсов?» Но и солнце ему не отвечает. Король встречает море, он кланяется морю: «Ах, море божие, не видало ли ты, что делает царь вейнелейсов?» Море наконец ему отвечало: «Знаю, что он делает, он землю сушит, волны гонит в мое сердце; тесно мне становится в моих берегах, как тебе, королю, в твоём королевстве». – «Нападём же на него, – сказал король, – авось-либо просторнее будет нам на белом свете». – И согласились они, и пошли на царя войною. Король приготовил серу и раскаленные уголья, а море взбушевало, вылилось из берегов и всползло на кровли нового города. Царь отдыхал тогда после дневной работы, проснулся, видит: хочет море залить его! Сильно ударил он жезлом по морю, и море смутилось, быстро потекло в берега и только в страхе обмывало царские ноги. «Неси мои корабли», – вскричал царь грозным голосом, и море приняло их на свои влажные плечи. «Остынь!» – сказал царь, и море подернулось льдом серебристым. «Дуй, буря, в мои паруса!» – сказал царь, и корабли покатались по скользкому льду. Король между тем, видя, что море застыло, смотрит и радуется. «Победило море, – говорит, – и затянуло вейнелейсов под своей льдиной». Еще смотрит он, чернеет что-то по белому снегу, ближе... ближе... горе!.. то летят корабли вейнелейсов; тщетно заклинает их король, тщетно обсыпает красным угольем, – с кораблей дышит бурный ветер, свивает в облако горячую серу и палит

короля и всю землю рутцийскую. Испугался король и побегал к турку просить подмоги. Но такова его мудрость, что он и у турка за морями, и у нас на берегу в одно время. Чем-то кончится эта кровавая битва? Кому достанется земля наша? Кому достанется наше сокровище Сампо?

Можно ли лучше воспользоваться преданиями племени, чтоб написать поэму, которая в тысячу раз выше всевозможных «Петриад» и в которой образ Петра является столь верным и истинным действительности, в своей мифической колоссальности?.. Странно скромное название этой повести – «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия»: оно обещает не повесть, а скорее статистическое обозрение страны в известную эпоху; оно не выражает и содержания повести, не намекает на ее основную идею. Но это, конечно, мелочь, и повесть от того не меньше превосходна.

«Библиографические и литературные записки о Фонвизине и его времени» (глава IX и X) князя Вяземского возбуждают сильное желание прочесть сочинение в целом: так велик интерес этих отрывков^[31]. В русской литературе нет ничего подобного в этом роде, – и нет сомнения, что только один князь Вяземский мог бы у нас написать историю литературы русской в отношении к обществу, так, чтоб это была история литературы и история цивилизации в России от Петра Великого до нашего времени. Из отрывков его «Биографии Фонвизина» видно, как глубоко постиг он в этом отноше-

нии время великого царствования Екатерины Великой. Еще любопытнее была бы картина времени прекрасного, полного жизни и надежд, царствования Александра Благословенного: князь Вяземский играл одну из первых ролей в литературе этого времени, был в приятельских отношениях со всеми его действителями... Да; у нас есть люди, которые превосходно могли бы делать и то и другое, – да они или мало делают, или ничего не делают...

В статье князя Вяземского есть несколько писем Фонвизина, нигде доселе не напечатанных. В изложении автор умел схватить тон и колорит того времени, так что, читая, делаешься современником Фонвизина. Множество истин, прекрасно высказанных, еще более возвышают достоинство труда князя Вяземского. Выпишем некоторые места.

Литературные связи его (Фонвизина) были не менее почетны: Державин, Домашнев, президент Академии наук и сам заслуживший известность приятными дарованиями, Богданович, Козодавлев, бывший впоследствии министром, но тогда еще скромный искатель у алтарей муз, актер Дмитриевский, который искусством и образованностию своею возвысил у нас актерское звание, и еще несколько других литераторов были ему приятелями. Жаль, что ничего не дошло до нас из сих бесед, которые, вероятно, особенно Фонвизин оживлял веселостию своею, комическими рассказами и вспышками беглого остроумия. Можно представить себе, как, мешая дело

с бездельем, передавали друг другу надежды свои на успехи русской литературы и вообще народного просвещения или частные планы свои для приведения сих надежд в исполнение, советовались они между собою, критиковали свои произведения, спорили и соглашались, или, вероятно, оставались каждый при своем мнении, без злобы смеялись о ближнем и о себе; как в сем дружеском и просвещенном ареопаге судимы были «Водопад» Державина, новый отрывок «Душеньки», «Росслав» Княжнина; как Фонвизин, долго слушая выходки сего классического норманца, наконец спрашивает автора: «Когда же вырастет твой герой? Он все твердит: я росс, я росс; пора бы ему и перестать расти!» – и как Княжнин отвечает ему: «Мой Росслав совершенно вырастет, когда твоего Бригадира произведут в генералы!» Или, можно себе представить, как при чтении сатиры на Фонвизина, в которой он назван *кумом Минервы*, отражает он стрелу в самого насмешника и говорит: «Может быть; только наверное покумились мы с нею не на крестинах автора»; то представляем мы себе, как в этой приятельской беседе в лице Фонвизина вдруг оживает Сумароков, с своею живостию, с своими замашками физическими и умственными: олицетворенный покойник бесится на Тредьяковского, сравнивает строфу свою с строфою Ломоносова или жалуется на московскую публику, которая в театре *щелкает орехи* в то самое, время, когда Дмитрий Самозванец произносит свой монолог, – но, к сожалению нашему, весь ум этих бесед выдохся, все

искры остроумия их погасли во мраке забвения! У нас нет говорунов, рассказчиков, нет гостиных рапсодов, передающих веселые преданья старины; у нас нет и разговора: карты вытеснили и заступили все другие забавы общежития. Скорее найдешь человека, готового вспомнить масти и козыри игры, которая сдана ему была во время оно Фонвизиним или графом Марковым, нежели острое слово, слышанное им от того или другого.

Очень верна у автора вот эта параллель между старым и настоящим, в литературном отношении:

Должно, однако ж, заметить, что литературные несогласия того времени были не иное что, как рыцарские поединки, в которых действовали одним законным и честным оружием; тогда искали торжества мнению своему, хотели выказать искусство свое, удовлетворить некоторой удалости ума, искавшего в подобных ошибках случайностей, гласности и блеска. По вышеприведенному замечанию, что у нас тогда было более аматоров, нежели артистов, следует, что и в сих распрях выходили друг против друга добровольные, бескорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуют из денег, нападают сегодня на того, за которого дрались вчера, *торгуют равно и присягою и оружием своим* и, за бессилием своим в бою начистоту, готовы прибегать *ко всем пособиям предательства*. Убегая с открытого поля битвы, поруганные и уязвленные победителем, они не признают себя побежденными; если стрелы

их не метки и удары не верны, то они имеют в запасе *другое оружие потаенное, ядовитое*, имеют свои неприступные засады, из коих поражают противников своих навверное. Сей язвы литератур и обществ, которые их терпят потому, что и в божием творении пресмыкаются ядовитые гады и, следовательно, нужны в общем плане создания, к счастью и к чести своей, не знала *старинная* литература наша.

Одних этих выписок достаточно для удостоверения, что, когда книга Вяземского выйдет вполне, мы будем иметь одно из тех произведений, которые составляют капитальные владения литературы. Даже и там, где не соглашаешься с остроумным автором, как, например, в похвалах, которые он приписывает сатирическому таланту Сумарокова, все-таки дорожишь его мнениями, как мнениями достойного представителя интересной эпохи нашей литературы.

«Смерть Розы», рассказ самого издателя альманаха, отличается легкостью и игривостью изложения.

«Кулик», повесть г. Гребенки, показывает, что замечательное дарование этого автора крепнет и что гуманическое начало начинает в его повестях брать верх над комическим элементом. «Кулик» – одна из лучших повестей последнего времени. Нельзя не завлечься ее живым рассказом, нельзя не тронуться ее развязкою, трагическою без всякой натяжки. Особенно хорошо в ней то, что автор умел представить своих героев верно с действительностию, то есть людьми низшего класса и в то же время «людьми», и возбудить к ним участие,

не становя их на ходули ложной и приторной идеализации.

К «Психее» – рассказу г. Кукольника, нельзя быть строгим, потому что этот рассказ написан к двум картинкам Брюллова, а эти две картинки стоят двух повестей, ознаменованных великим талантом^[4]. Обе они понятны с первого взгляда, без всяких объяснений и повестей, ибо слишком определенно говорят сами за себя. На одной вы видите группу из трех фигур: у водомета стоит девушка с молодым человеком, а старуха из окна показывает ей, с выражением упрека, что вода давно уже бежит через край. Смущенный молодой человек, отворотившись от девушки, ласкает собаку, которая, разумеется, нисколько не занимает его собою; смущенная девушка, не оборачиваясь к нему, подает ему исподтишка букет цветов, а другою рукою берется за ведро. Это истинная «идиллия» в смысле греческом, в смысле «сцены»; это ландшафт и картина вместе; ибо тут и сельская природа благословенной Италии, и драма из сельской жизни. По лицу девушки видите вы, что это крестьянка; но как хороша она! сколько жизни и грации в несколько грубых чертах ее лица! Как хорош этот молодой крестьянин! Какое характеристическое лицо у этой старухи, высунувшейся в окно! Какая гармония, жизнь во всей картине! сколько в ней оригинальности и типизма! какая истина и верность действительности в каждой, даже малейшей черте! И между тем это – так, мгновенная фантазия, прихоть художника, но художника великого! И как удалась гравюра этой картины!

То же можно сказать и о гравюре с другой картины Брюллова. С первого взгляда видите вы легкую, но глубоко творческую композицию картины. Перед вами спальня с двумя кроватями, на которых спят бабушка и внучка, – и перед ними сны, которые им обоим грезятся. На добром лице старушки вы замечаете то кроткое блаженство, которое и в старости дает на минуту воспоминание о прошедшем. Она видит себя молодой и подле себя своего жениха; он, подав ей розу, целует ей руку, которою она поднимает цветок к носу. Девушка видит, напротив, страшный сон: ее мчит на коне мертвый рыцарь; из его глаз исходят пламенные лучи, как из глаз и ноздрей его коня, который мчится по кладбищу... Какая поэтическая мысль! Над кроватью старушки висят портреты – ее собственный и ее мужа, писанные тогда, когда еще оба они были молоды, и вы видите, что фигуры, которые представляются старушке во сне, совершенно сходны с этими портретами. Стенные часы, показывающие половину второго, платье на стуле подле кровати, сбившееся на пол одеяло девушки, – каждая подробность дышит идеею целого.

Кроме этих двух гравюр, альманах украшен еще десятью превосходно сделанными гравюрами, изображающими: портрет Петра Великого (во весь рост); утреннюю зарю над бородинским памятником; портрет ее императорского высочества великой княжны Александры Николаевны; портрет княгини Е. П. Белосельской-Белозерской; портрет баронессы А. Ф. Криднер; портрет М. А. Бек; утро на Волге (с карти-

ны г. Чернецова); Сорренто (с картины г. Щедрина) и Константинополь (с картины г. Воробьева)^[5].

По внешнему изяществу и роскоши, альманах г. Владиславлева – европейский, в полном значении этого слова; а по содержанию, вероятно, далеко превзойдет игрушки этого рода, издаваемые в Европе только для картинок.

Примечания

Впервые – «Отечественные записки», 1841, т. XIV, № 1, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 1–8 (ц. р. 1 января; вып. в свет 3 января). Без подписи. Авторство – КСсБ, Список V, с. 420.

Издателем рецензируемого альманаха был штаб-офицер корпуса жандармов В. А. Владиславлев. В этой связи характерно признание А. А. Краевского, содержащееся в письме М. Н. Каткову от 12 апреля 1840 г.: «Душа моя не терпит этих нищих альманачников, которые ходят по дорогам, поют Лазаря и собирают статьи, а после печатают их – черт знает для чего: книга не книга, журнал не журнал, а так что-то – пуф! Одну «Утреннюю зарю» должно хвалить, потому что, если не похвалишь, то после придется разделяться чуть-чуть не спиной...» (ЛН, т. 56, с. 139). Однако, как следует из рецензии, похвалу Белинского альманах вполне заслуживал.

Комментарии

1.

Белинский имеет в виду – помимо альманаха – роман Ф. Купера «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море» (о нем см. наст. т., с. 472–473) и, вероятнее всего, первый поэтический перевод шекспировской «Бури», сделанный Н. М. Сатиным (это издание появилось в самом конце 1840 г.; см. также прим. 1 к рецензии «Пантеон русского и всех европейских театров. Март, № 3»).

2.

Белинский цитирует стихотворение «Старое поколение»; кроме него, в альманахе были опубликованы еще два стихотворения П. А. Вяземского: «Петербургская ночь» и «Утро на Волге».

3.

Монография Вяземского о Фонвизине, работа над которой началась еще в 20-е гг. XIX в., вышла в свет лишь в 1848 г. Замыслом Вяземского пристально интересовался Пушкин, оставивший пометы на рукописи этой книги (см.: «Новонайденный автограф Пушкина». Подг. текста, статья и комментарии В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. Л., «Наука», 1968).

4.

Имеются в виду гравюры с рисунков К. П. Брюллова «Вода уж через бежит (Так в тексте. – Ред.) (Прерванное свидание)» и «Сон бабушки и внучки».

5.

Белинский перечисляет не десять, а девять гравюр.